

DOI: 10.15643/libartrus-2023.5.1

Конституирование смыслозначимости: денотация

© В. В. Ильин^{1*}, И. А. Кокоева², П. Н. Родин², А. В. Шимко²

¹Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
(Калужский филиал)

Россия, 248000 г. Калуга, улица Баженова, 2.

²Государственный университет просвещения
Россия, 141014 г. Мытищи, улица Веры Волошиной, 24.

*Email: vvilin@yandex.ru

Обоюдоостро замечает Пуанкаре: разум обладает непосредственной интуицией; опыт может быть для него только поводом воспользоваться ею и осознать ее. Подходя к вопросу без предвзятости, прибегнем к инверсии: расценим опыт в качестве не спускового крючка, но оселка – средства проверки, испытания деятельности по разработке. Подобное орудие инициативному, иницирующему, налаживающему продуктивные инновационные акты разуму необходимо. Необходимо ввиду неоднозначности самой природы разумной способности генерировать «понятийное (умозрительное) знание», отправляясь от рядов не вещей, но идей, с опасностью породить мнимую – «вообразительную» предметность.

Ключевые слова: воображение, творчество, значение.

Проблема «мнимости». Именно она возникает всякий раз, когда творческая гносеология (отсутствующая в сенсуализме, ассоцианизме, кантианстве), озабочиваясь тематизацией расширяющей инноватики (доктринацией продуктивных расширяющих синтезов – ПРС), попустительствует включению в рассмотрение сюжеттики «воображение».

Суть в том, что и этимология (фр. – *imaginaire*), и закомплексованная традиция навязывают: воображение имеет непреодолимым изъяном порождение мнимой предметности – мнимости. Без «воображения» гносеология безмысленна, с «воображением» она беспредметна. Из глубины веков – порочная установка: приходится выбирать между эвристичностью и основательностью. Поскольку одно исключает другое, возникает формальный парадокс: наука либо «ищет», либо «тиражирует», выхолащивающий многогранную статью науки, занимающейся и креацией, и сериацией.

Предпосылка снятия незадачливой антиномии – перемещение на динамическую, стереоскопичную точку зрения. Правда обезоруживает, – а именно:

- структурно наука – трехзвенна; слагается из (а) науки «переднего края» – активных исканий; (б) науки «твердого ядра» – устоявшихся канонических представлений; (с) истории науки – балласта, обслуживающего искания и не седиментированного в твердом ядре [16];
- функционально наука – двухвекторна: включает деятельность по (а) расширению; (б) удостоверению.

В результате поливариантного взаимодействия разных сегментов, устремлений науки конечный продукт ее деятельности – знание – испытывает осцилляции: в поисковой фазе прирастает, в обосновательной фазе убывает: разность двух самодостаточных движений в виде

«остатка» вытесняется в историю знания как не прошедший испытаний неадекватный массив условно значимых нерелевантных конструкций.

В терминах семантического интерьера:

- концептуация развертывает инспирирующие смыслы; издержками пребывает генерация «пустой» – беспредметной, отрицательной невещественной предметности (кентавр, пегас; подлинно человеческая история, где богатства льются «полным потоком»; всевышний; множество без членства; виртуальные частицы и т.д.);
- денотация развертывает значения: выявляет издержки неумного концептуирования переводом смыслов в предметно состоятельные валотивные (через объективацию, субстантивацию, материализацию, онтологизацию, проекцию, реификацию, эмпирическую интерпретацию, операционализацию, верификацию) сущности, воплотимые разряды сущего.

Лингвистическая семантика использует для схожих целей фиксирующий масштаб контекстуальности, как в варианте текстемы «город практически съел частный сектор»: а) город (субъектность) съел (действительный залог); б) город (объектность) съел (страдательный залог). По интерпретации грамматической категории глагола в зависимости от характера контекста устанавливается: а) город «съел» – актив в значении «упразднил»; б) город «съелся» – пассив в значении «упразднился».

Философская (гносеологическая) семантика, перекрывая теснины текстовых контекстуальных массивов (точнее – границу трактовки «значения» в терминах изобразительно-выразительных, изъяснительных ресурсов языка, что практикуется и формальной логикой [21, с. 43]), располагает разными подходами к решению проблемы статуса создаваемых воображением («фиктивных» – от *fiction* – «изобретать», «сочинять», «измышлять») продуктов (предметов) неизвестной природы. Без всяческих претензий на всесторонность наметим наиболее популярные из них, памятуя, что нерв вопроса – трансмиссия потенциального в актуальное, возможного в действительное за счет фактуального удостоверения вообразительно допускаемого «фиктивного» умственно инициированного существования.

I платформа – *esse est percipi* – (радикальный эмпиризм – берклианство, позитивизм). Достоинство ее – апелляция к непосредственной данности реалий переводом предметов *in mente* в предметы *in re* с обретением радости обнаружения причастия сущему. Недостаток ее – игнорирование невсеядности сенсуализации как удостоверяющего существования фактора.

Одна сложность таится в толковании существования *in globo* под фирмой сущего феноменального (чувственно данного) и ноуменального (умопостигаемого – чувственно неданного). Артикулированная еще Аристотелем сложность тематизируется дилеммой «первые сущности» (индивиды) – «вторые сущности» (роды, виды), навязывающей головоломную сюжетику статуса универсалий: их бытие эссенциально в качестве сущего «в себе» или акцидентально в качестве причастного вещам («благо» в модусе «самого по себе» и в модусе «благих проявлений»).

Другая сложность скрывается в недостижимости «чистого» восприятия, свободного от интерпретационных влияний («непосредственное» созерцание – ущербная гносеологическая химера).

Уже Платон отдавал отчет: если лице-зреть узор, орнамент, при этом улавливая сочетание линий, красок, теней, чередований, симметрий (центральной, осевой, зеркально-осевой, винтовой, переноса), правильность форм фигур, неизменность их при движении в зеркальных

отражениях, вращениях, переносах, формируя «понятие» гармоничности композиции, – следует «мыслить», а не исключительно «зреть». Скажем, «протяжение» – визуализируемо. Но что оно само по себе *in esse*?

Декарт держался линии аналитичности, тогда как Лейбниц – синтетичности (не говоря о кембриджском платонике Г. Море, настаивавшем: Бог протяжен на свой манер). Иначе говоря, – фактуализация не отменяет, не исключает категоризации, а значит, – не поставяет однозначной критериологии бытия предметов по воображительной генеалогии. В самом деле: что такое «красота» (сократовский опыт обследования «предмета» сообразно майевтике); что такое «линия» не как «льняная нить», «черта», но граница куска поверхности, траектория движущейся точки в параметрическом представлении – уравнении вида $x = \varphi(t)$, $y = \Psi(t)$, где $\varphi(t)$, $\Psi(t)$ – непрерывные произвольные функции на некотором интервале Δ числовой оси t ?! (На фоне сказанного позицию Шелера, допускающего, будто «ценность» дана в «эмоциональном созерцании», – иначе как курьезом не назовешь).

II платформа – умо-зрение: перефразируя аббата Сугерия, – проясненный разум восходит к истине через идеальное. Наметки ее – отрывочные, технически недетализированные, несистематичные декларативные соображения:

- стоиков – «постигающее впечатление»;
- Канта – «нечувственное созерцание»;
- Мейнонга – «мыслимая предметность»;
- Гуссерля – «эйдетическое созерцание». Etc.

Достоинство платформы – идеология ноэматичности – предметоориентированности мысли, нацеленной на освоение любых (!) – и нематериальных – сущностей. Изъян ее – двоякий: отсутствие:

- технической экспликации протекания базового процесса;
- критериологии его самосогласованности (не считать же таковой геропизм Карнеада о формировании «убедительного впечатления». Ср.: ситуацию в искусствознании, расценивающем когерентность – самосогласование «мира в произведении» через художественную идею как «разногласное согласие» (Т. Тассо) – в качестве высшего мерила совершенства).

Принципиальный полемический аргумент *pro hic et nunc* заключается в большой доле скепсиса относительно состоятельности сведения вопроса «значения» к вопросу организации созерцательной представительности.

(1) ареал *Sinnwelt* объемлет понятие «всеохватного» сущего – как реального, так и квази-реального, как действительного, так и возможного, как актуального, так и потенциального, с разной степенью адекватности репрезентируемого разными отображениями: от мистического «прозрения» (В. Соловьев) до «идеирующей абстракции» (Гуссерль), от «самоданности» (Лосский, Франк) до «предубежденности» (предвзятые психоаналитические напластования Ранка, инициирующие «усмотрения» в философе – «типичного онаниста», в писателе – «истерика», в мистике – «невротика» [34, с. 151]).

(2) *Volens-nolens* производится подмена выяснения статуса предмета представления (коррелята понятия) выяснением статуса представления предмета – интенциональности когнитивных актов. Гносеология эпохи схоластики различала *intentio recta* – изучение предмета и *intentio oblique* – изучение познания предмета. Кант придал гносеологии крен в сторону исследования *intentio oblique* (с неорганическим довеском в лице аффицирования), – мотив, усиленный Brentano, впоследствии утрированный Гуссерлем. Все это дало повод Н. Гартману

забить тревогу в отношении предметной проекции знания, вводить императивы фронтального обращения теории познания к «самим вещам».

Такое обращение, реставрация предметности в нашем понимании означает двоякий поворот: во-первых, преодоление диспозиций Гегеля (панлогизм): «Когда я мыслю предмет... мое (! – *Авт.*) отношение как особенное (! – *Авт.*) к предмету устраняется (? – *Авт.*) и становится объективным (?! – *Авт.*)» [4, с. 359], равно как Шелера (объективизм) о самоданности (?) предметности и Хайдеггера (трансцендентальный фатализм) о «несокрытости сущего» (?); во-вторых, диспозиции Мейнонга (трансцендентальный психологизм в особенности в части учения о «постигающем переживании»): теория мыслимого предмета суть теория «чистой» мыслимости безотносительно транскогитальной онтологии.

Между тем, по многократно обостряемому, – в онтологическом (реистическом) измерении царство смыслов самих по себе достаточно произвольно, если не говорить беззаконно!

Разнести овец и козлов, отчленить многообразия правомерного и неправомерного сущего, – в этом и состоит пафос семантических упражнений – прежде всего гносеологической теории значения, представляющей острастку и оснастку «вообразительным» интервенциям Sinnwelt в онтологию сдерживанием пустопорожних затей ищущей мысли разведением и критическим соотносением залогов *in mente* и *extra mentem*.

III. Платформа – конструктивизм. Предмет понятия не созерцаем, не обозрим; сколько ни тщились теоретики разных направлений, течений, школ, в гносеологию не удалось ввести более или менее внятного (не говоря – отработанного) представления «интеллектуального созерцания».

Достоинство платформы – обогащение концептуального аппарата новацией посредством звена между мыслью и чувством, каковым выступает «схема». Схема – правило исполнения по понятию наглядных образов использованием генетически-конструктивных процедур, актов.

По самому существу «понятийности», понятие (концепт) суть когитальное многообразие в единстве. Скажем, «треугольник» несет идею геометрической фигуры, обладающей смысловой признаковой группой, конституирующей «треугольность». «Треугольность» – эйдетическая сущность, не имеющая операционализации; вещественно (визуально, фактуально) не выполняема.

Схема «треугольности» влечет методический запас действий, позволяющих визуализировать «треугольность», – посредством явных, обозримых шагов эмпирически воплощать понятие, трансформировать абстракт в конкрет. Схема – алгоритмична: вводя программу получения объектов (a) по алгоритмам $\beta(a)$, консолидирует обстояния Sinnwelt и Naturwelt.

Непреходящее здесь – наведение моста между понятием предмета и предметом за счет деятельного (конструктивного) опосредования.

Понятие «треугольник» как конденсат «треугольности» в конструктивном процессе обретает материализацию – вещественное воплощение в алгоритмически создаваемом треугольнике: остро-, тупо-, прямоугольная последовательность «изделий» при применении нормального алгоритма детерминированной переработки абстракции «треугольник – носитель треугольности» в осязаемые равнобедренные, равносторонние, разносторонние конфигурации: не лежащие на прямой три точки, объединяющие в себе концы трех отрезков.

Изъян платформы: в силу отсутствия очевидных решений проблем сложности, вычислимости, разрешимости, артикулируемости далеко не все концепты получают алгоритмическую,

операционалистическую эквиваленцию. К примеру, насколько осмыслен адресованный пациенту императив Фрейда (фундирующий эффективность психоаналитической процедуры) «говорить все... без исключения» [28, с. 78]. В количественной плоскости он не реализуем ввиду неперечислимости; в качественной плоскости – ввиду отсутствия законов распределения, релевантности выборок фактически из бесконечных совокупностей. (Nota bene: общеизвестна неосуществимость проекта Ламберта теорией знаков заменить теорию дел; должна обрести общеизвестность неосуществимость проекта дел заменить теорию знаков. В некоем предельном отношении все упирается в отсутствие изоморфии систем «смыслов» и «значений» – из любого элемента одной системы нельзя извлечь соответствующий ему элемент другой системы.)

IV платформа – *intelligenti rausa*. Рационально, логически не рекапитулируемая линия самоудостоверяемости (высокого, глубокого) сущего включением пытливого всеотзывчивого категориального прозрения. Адресуемся к разным мыслителям, по разным поводам высказывавшимся солидарно:

- Григорий Нисский (о псалмах): «Сочетание движения и покоя, осуществляющее себя в стройной упорядоченности, есть некая музыкальная гармония, из которой рождается... славословие той силе, все это поддерживающей».
- Пришвин (о весне): «Бывает, что-то не клеится, плохо выходит, и в то же время чувствуешь что-то хорошее. Вспомнишь о хорошем и поймешь: это весна».
- Хайдеггер (о философствовании): «Метафизические понятия для внутренне равнодушной и необязывающей остроты ума остаются... на замке. Метафизические понятия совсем не то, что можно было бы выучить, повторять за учителем или человеком, именующим себя философом, и применять на практике... Мы никогда не схватим эти понятия в их понятийной строгости, если заранее не захвачены тем, что они призваны охватить. Этой захваченности, ее пробуждению и наслаждению служит главное усилие философствования».

Достоинство платформы – расширение когнитивного потенциала, обеспечивающего формирование понятия предметности.

Изъян платформы – отсутствие определенности (не говоря – универсальности) задаваемого нестрогим образом предметного понятия (с чем связана критическая эпопея категориальной интуиции, питающая феноменологическое движение – Гуссерль, Пфендер, Гайгер, Рейнах, Беккер, Шелер, Н. Гартман).

Из обозрения существа I – IV рельефно вытекает: актуализация семантических усилий обусловлена неустановимостью взаимно однозначного соответствия между множествами смыслов и значений используемых выражений: их мощности не равновелики.

Понимание сказанного подводит к необходимости развертывания герменевтической (экзегетической) процедуры, устанавливающей: что именно, в связи с чем утверждается, к чему относится.

Смысл есть категория содержательная (информативная), отображающая способ данности предмета в выражении. Значение есть категория вещественная (предметная), отображающая характер фиксируемых выражением реалий. Одно передает «что утверждается», другое – «о чем утверждается».

В стандартных для семантических разысканий повествованиях используется пример с «Венерой» – планетой солнечной системы (значение), пропозиционально варьируемой под

фирмой лексем «утренняя», «вечерняя» «звезда» (смыслы). В стремлении достичь точного представления сути излагаемого апеллируют к уточняющим разъяснениям: что такое «утренняя», «вечерняя» «звезда»; как они соотносятся между собой и с астрономическим предметом «Венерой». В отсутствии уточнений – осложняющие коммуникацию (восприятие сообщений) досадные контаминации, влекущие курьезы, конфликты, недоразумения [12].

Оптимизации герменевтической процедуры не способствуют два обстоятельства:

А. Эрозия, отсутствие у явлений, текстом смыслов, значений:

(1) Явление.

Отсутствие смысла: шаровая молния, – есть предмет, нет его тематизации.

Отсутствие значения: полученный «на кончике пера» парадокс Эйнштейна – Подольского – Розена – осмысленное утверждение без предметной привязки.

(2) Текстема.

Отсутствие смысла (в многочисленных непритязательных шлягерах):

Направляй меня своею рукой,
Заслони собою от полнолуния.

Заслонить можно свет, но не одну из фаз Луны, в которой естественный спутник Земли обращен к ней своей освещенной стороной, имея вид диска.

Отсутствие значения (из того же репертуара):

А ты под кожу, под кожу
Забрался нежной дрожью.
Без тебя не могу я больше,
Без тебя не могу.

О чем речь? –

- о человеке, «забравшемся» «под кожу»? Без которого невыносимо существование? Как минимум, спорное (не говоря – странное) лексическое (не ментальное) решение;
- о клеще – мелком членистоногом животном-кровососе из отряда паукообразных? Клещу пристало забираться под кожу, но без «нежной дрожи» и последующих неуместных признаний в теплых чувствах.

В. Отсутствие смысла и значения одновременно (абракадабра – перемещение в сюр, абсурд, нонсенс. У Гоголя Чичиков в кабинете Кошкарева натывается на многотомник с аншлагом «Предуготовительное вступление к теории мышления в их (?! – *Авт.*) общности, совокупности, сущности и во применении к уразумению (?! – *Авт.*) органических начал (?! – *Авт.*) обоюдного раздвоенья (?! – *Авт.*) общественной производительности (?! – *Авт.*)»). Невозможность (осложненность) отнесения информационных массивов (генерированных ПРС, оформленных в сообщения, тексты смыслов) к предметным обстоятельствам (значениям). Таковы:

- иррациональные отношения – отношение диагонали квадрата к его стороне;
- иррациональные выражения – алгебраические выражения с радикалами ($\sqrt[3]{a + b^2}$);
- трансцендентные числа π , e , $\ln 2$, то есть числа вида $\alpha\beta$ при алгебраическом $\alpha \neq 0.1$ и алгебраическом иррациональном $\beta(2^{\sqrt{2}})$.

При более общем гносеологическом освещении ножницы «смысла – значения» выявляются в попытках тематизировать «природу вещей», так сказать, саму по себе безотносительно эмпирическим данностям, фактическим реализациям.

Если совокупное знание разнести по сегментам:

- «графия» – фактофиксаторство, наглядные модели в разной степени отлаженности

профессиональных языках;

- «логия» – сущностные теории сущего;
- «гония» – теории становления сущего;
- «софия» – теории «назначения», «предназначения», «целесонащения» сущего [18], –

то с явным дефицитом «значений» сталкиваются на трех концептуально емких уровнях «логии», «гонии», «софии». Ввиду избытка таланта воображения, питающего ПРС, с производством смыслов проблем не возникает. Что до вопроса замыкания, проекции абстрактных (спекулятивных) смыслов на SR, сложностей множество. Судите сами.

«Логия» – доктринация разных порядков существенности. Применительно к сюжетам, залегающим на разной глубине символической репрезентации, активируются разнообразные рациональные реконструкции. Феноменология довольствуется комбинированием «силой» как величиной, выступающей мерой взаимодействия тел. Эссенциология взыскует версификации: сила – «функция» или «субстанция»? И какая именно?!

Сходно – «движение». Элементарная механика изучает «инерциальное движение». Однако – к чему его относить, с чем соотносить? Возникает соблазн вводить «абсолютную» систему отчета (исходно проблематизируемую Декартом, Гюйгенсом, Эйлером), в отнесении к которой рассуждают о покое и движении конкретных материальных систем.

В пределах «чувственности» подобных поползновений не возникает; в границах «рассуждения» определенные резоны допущения сверхчувственного – абсолютного – имеются: такова трактовка образования мениска на глади воды при вращении ведра на длинном плече, конституирующая «явление» относительно выделенной системы координат и синхронизированных часов (абсолютное пространство и время). Далее – отрешенные умозрения: какова стать подобной системы – от скупой роняемого Ньютоном «вместилище», «ритм» до принципа Маха.

«Гония» – доктринация происхождения. В отсутствии строго установленных эмпирических данных, скованности (невозможности) проверочного эксперимента вводят образы начальных состояний. Как, откуда «есть пошла» русская земля; земная жизнь; планета Земля. На локальном уровне выполняются частные генеалогические сценографии. На глобальном уровне предлагаются общие сценографии – не россиеведения, а антропосоциальности; не земной жизни занесенной из космоса, а жизни как космического явления (с релятивизацией рабочих объяснительных схем Аррениуса, Вирхова и т.д.); не возникновения Земли, а Вселенной (и далее) вообще (вплоть до сочинений о *creatio ex nihilo* мира «в целом»).

«София» – доктринация «призвания». Чем дальше от «графии» – обозримо-непосредственных *sense data*, тем сложнее поддерживать дух научности соблюдением стандартов неспекулятивности. *Argumenti causa*. Есть «раса», есть «душа расы» [22, с. 166]; есть «предназначение» расы в варианте того же негритюда. Есть антропо-социальная форма жизни; есть антропный принцип как внутренняя пружина глобального эволюционизма. Есть «целесообразность» под двумя видами плодов: а) провидения (телеологизм); б) адаптации (эволюционизм).

Приходится выбирать между расизмом, натурализмом, теизмом, сциентизмом, вводя ценностную раму герменевтического обеспечения мыследеятельности. (На более «приземленном» уровне проводя селекцию экспликативных допущений; – тончайший Любищев, к слову, квалифицировал дарвинизм «духовным наркотиком» [24, с. 176].)

Помимо прочего, имеет место откровенная «политическая трескотня» – бездумная апологетическая конъюнктура («чистые» смыслы без потенциальных предметных значений), –

якобы «объективный» закон перехода от капитализма к коммунизму (первой его фазе – социализму), оправдывающий «научность» марксизма-ленинизма его «гарантом» – «партийностью» (о чем в духе дремучей верноподданнической синодики витийствовали коснеющие в дереализации Алексеев, Биккенин, Ойзерман, Смирнов).

Наш рабочий тезис: ввиду переизбытка превратных теорий и превратностей в теориях внимание гносеологии привлекает второй намеченный ранее такт: объективация, реификация, субстантивация осуществляемых ПРС когитальных расширений.

Данный такт – естественный отклик доказывающей, доказательной науки на вообразительно-синтетическую (аутопоэзисную) генеалогию нетривиальных смыслов, в «фиктивной» нереальной фактуре которых *erat, quod tollere velles*. Действительно. В отсутствии «прямых» способов распознавания сущности, механизмов уловления необходимого в случайном, универсального в уникальном, родового в видовом (предмет тщательнейших изысканий Аристотеля, Шелера, Гуссерля) актуализируется задача ревизии, селекции, выбраковки погружающих в темную ночь предубеждений сугубо беспочвенных допущений, предположений.

Момент истины наступает последовательным переводом смыслов в значения; напитанные содержанием возможно-мыслительные комплексы обретают стать обязывающих действительно-предметных формулировок.

Итак, сюжет исследования – наделение (возможно-отрешенных) смыслов (действительно-положительными) значениями. Поскольку реальность в смысловом поле задается не в вещественных, а образных отношениях, – еще и еще раз, – следует отдавать отчет о крайней витиеватости процедуры онтологизации: как несозерцаемую абстрактность перевоплощать в созерцаемую конкретность, из неявленного получать явленное, из несущего – сущее, из помысленного – бытие? Воистину артикулируемая проблема – из разряда *mixtum compositum*.

Казалось бы, синкретичное одномерное «значение» на поверку – многогранно и многослойно, потому – востребует эластичного многоуровневого представления.

Стратегически наделение значением предполагает смычку определенностей *Sinnwelt* с определенностями *Lebenswelt*, *Naturwelt*, *Wertswelt* в ближнем и дальнем разрешении.

Тактически соответственный процесс выстраивается на потребу выявления прецизионных, содержательных, предметных безусловностей.

Главное в двух солидарно – достижение вещественной несомненности измощающей творческими изоощрениями перманентно ищущей (не тиражирующей!) мысли.

Как мостится путь к достоверности – установлению связи генерируемых по ПРС возможных текстооформленных миров – с действительными затекстовыми реалиями?

Рецепт логической семантики – введение порядка связи выделенного (W_0) и возможных (W) миров – не проходит ввиду невозможности задания логическим способом отношения достижимости (R), связывающего W и W_0 вещественным (предметным) образом. Центральный вопрос философской (гносеологической) семантики – «связь языковых выражений с внеязыковым предметным содержанием» – остается здесь неразрешимым.

Не разрешим он и в границах лингвистической семантики, проблему адекватности «текста» погружающей в лоно «контекстно-подтекстных» отношений, трактуемых как ситуационно-эксплицитный флер выявления «значения» знаковых выражений [10, с. 303–304].

Утрируемая гносеологической семантикой задача выбраться из «теснин» языка на широкий простор действительности в удостоверении предметного измерения мыслительных построений ни логической, ни лингвистической семантиками не исполняется.

Потенциальная ценность «текстов» обладает трудно обозримой счетной базой (буквально сопоставимой с множеством натуральных чисел). Скажем: ценность стиха способна выражаться ценностью ритма (подчеркивание колеблющихся признаков «значения»); ценность теории Т способна варьироваться между параметрами «конфирмация» (повышение вероятности Т вследствие подтверждения фактами Е) – «коллаборация» (расширение класса фальсификаторов вследствие подтверждения Т неожиданными Е); ценность литературного наследия способна измеряться глубиной «искренности самовыражения» (произведения Толстого Мережковский считал «бесконечно подробной исповедью»). Etc.

Потенциальная ценность «текстов» обуславливается смысловой рамой, вводящей веер контекстуальных толкований (интерпретаций) и не затрагивающей проблемы субстанциального статуса скрывающихся за текстами единиц когитальности.

Гносеологическая семантика – лишь она, – отказываясь от глянцевого идеологии превращения «ситуационного контекста в эксплицитный контекст» (Ельмслев), вводит в кадр не «означивание» (по приписыванию «истинностных значений»), но «значение» (по корреспонденции SR). Гносеологическая семантика – не «указательно», но «вещественно» удостоверительна. Проведенные уточнения способствуют положительному движению в теме, приступая к которому обратим внимание прежде всего на стратегические нюансы наделения «значением».

Стратегия. Соотнесение с реальностью, соответствие SR в границах темпорально ориентированной теории корреспонденции конституируется обращением к легислативным постулатам, отображающим социальную, приноровленную к конкретным условиям жизнедеятельности природу познания.

Все стандартные исследовательские акты от номинации до референции протекают в кругу не универсальных («всегда-езде») – «чистых» (что беспочвенно игнорировалось программами «неотягощенной» гносеологии, озабоченными нахождением «беспредпосылочного» «прозрачного» фундамента мысленной работы – от Декарта до Гуссерля, Витгенштейна, неопозитивистов Венского кружка, равно как членов берлинского «Общества позитивистской философии», поглощенных выработкой унитарной (!) основанной на науке картины мира), но уникальных (интервальных в «здесь-теперь») «санкционированных» диспозициями культурного сопровождения умственных действий.

Подобные эвристические диспозиции получили техническое именование «фаций» [14]. Фации – сгустки специфических типов самоактивности духовного творчества, программирующие характер символического структурооформления сущего [14, с. 42], его сценографизации, восприятия, понимания.

Роль фаций в познании более значительна, чем принято считать; предобуславливая мировыражение, фации оконтуривают в горизонтах событий «в себе» горизонты событий «для нас», одевают фрагменты актуальной нам вещности. (Ср.: ситуация в астрофизике, изучающей не мир «в целом», но Вселенную, – данный в опыте фрагмент «мира».)

С позиций высказанного, онтологизация, реификация, субстантивация производится не «непосредственно», а опосредованно – участием фаций. Складываются легитимные многоотсечные образные конфигурации реальности, являющиеся дериватами многомерных семейств качественных признаков, в створе которых сосредоточиваются действия, развертываются события. Целостные системы таких признаковых семейств удобно интерпретировать в терминах:

– голограммности: наборы стереотипных картин, несущих релевантную информацию о

действительности (ее объектах);

- векторности: наборы стереотипных умственных интенций, организующих изыскания (операции).

Введенное абстрактное понятие конкретизируется фактами, в кругу которых – стратагемы:

- культуры: античность – космоцентризм; средневековье – теоцентризм; Новое время – антропоцентризм;
- традиции: основатель современной физиологии, эмбриологии Гарвей в XVII в. изложил учение о кровообращении у животных, за что подвергся гонениям со стороны последователей Аристотеля – Галена;
- школы: в российской общей химии «валентность» действительна, в скандинавской – эфемерна;
- отрасли: наука – каузальна, так сказать, паушально – как специфическое познавательное предприятие (в противоположность акаузальным альтернативным ей модификациям познания), но сегментирована по адаптации детерминизма к предметным сферам, – механика удовлетворяется «механицизмом», вытесняемым из биологии, физиологии, социологии, антропологии; науки о жизни принимают органицизм, вытесняемый из наук об обществе; обществознание принимает социологизм, дискредитируемый науками о человеке; человековедение принимает гуманизм, мотивный телеологизм, завязанный на нетривиальную инверсию каузализма: имплицативность обретает вид: не « $a \rightarrow b$ », но « $a \leftarrow b$ »; равно как дисквалификацию «натурализма» в толковании гуманитарных ценностно-целевых связей в языке природно-космических обусловливаний – Фарри, Лист, Тард, Принс, Гарофало, Чижевский, Гумилев и др.

В общем виде стратегический типаж легализации нетривиальных единиц знания передается формулой: система органического замкнутого поля множеств – порожденная фацией наименьшая система множеств, замкнутая относительно счетного объединения. Введение такой признаковой группы отвечает идее принадлежности, вхождения производных множеств в исходную совокупность. Если $A\alpha$ – совокупность множеств, тогда правило объединения их в фациальный массив обозначается как $\sum A\alpha$.

Детализацию формулы выполняет запись: $BK + BC$, где BK – background knowledge – эссенциальный остов эпохальной картины мира; BC – basic consensus – принятая сообществом эвристическая матрица мироздания.

Связка $BK + BC$ в ареале фации является предельной сферой (своего рода орисферой – пределом сфер неограниченно – в рамках фации – увеличивающегося радиуса), задающей каноны артикуляции, характеристики, предикации.

Относительно партикулярных познавательных операций функционально (не субстанциально, как ошибочно полагал Кант) она априорна, то есть предпосылочно фундаментальна; именно с ее помощью осуществляется правосудие разума.

Нельзя принимать свою жену за – шляпу! Почему же тогда по связке $BK + BC$ современное знание лояльно к «гравитации» и не лояльно к «левитации»? Если спорить честно, с умом, как рекомендует Кант [20, с. 402], придется объяснять, почему в отсутствии убедительности наша культура (фация) дает простор неотвратимости одному и строит плотину другому. Учитывая, что оба для пытливого критико-аналитического ума суть terra incognita (отчего и буксует проект единой теории поля – ЕТП), столь избирательная оценка «патогенного незнания» не может быть отнесена на счет «мимолетного недоразумения».

Тактика. Обслуживает достижение количественной и качественной несомненности продуктов концептуирования. Результатами среди других результатов в опредмечивании духовности plus ultra почитают, используя фигуру Вебера, «расколдование» мира теории (теоретизма как фабрики аутопоэзисного вообразительного синтетизма) привитием прецизионной, содержательной, предметной определенности.

Прецизионность. Внутреннюю динамику мысли регулирует императив сообщения рассуждениям логической, метрической, операциональной, алгоритмической размерности. Речь – об обретении убедительности налаживанием, упорядочением демонстрационной, расчислительной техники.

Идеал знания – точная, строгая (однозначная) сетка предписаний, задающая последовательность действий от исходного (начальных данных) до обязательного получения конечного заранее планируемого результата. Как показал опыт функционирования большой (преимущественно неклассической и неонеклассической) науки, идеал как совершенное состояние в вершении судеб реального знания не может иметь воплощения. Пребывая высшей целью поиска, гносеологически он играет роль регулятивного принципа, стимулируя последовательное приближение к вожделенному финальному значению.

Дело не в трансцендентности статуса регулятивных идей (принципов), а в совершенно естественных сложностях отправления познавательного процесса, имманентно сковывающих его возможности.

Упомянем:

а) алгоритмичность. Во-первых, нет точного (алгоритмичного) определения алгоритма. Во-вторых, не все объекты мысли (лишь конструктивные) подлежат алгоритмизации. В-третьих, не все допускает перевода с языка на язык (теорема Куайна о недостижимости «радикального» перевода). В-четвертых, не все задачи трансформируются в разряд «массовых» (сериация однотипных задач). В-пятых, существует неприводимость (в том числе – абсолютная), неразрешимость (алгоритмическая, формальная);

б) вычислимость. Ввиду наличия «невозможных» (случайных) событий, неустранимых погрешностей (моделей, вводных данных, аппроксимаций, округлений), дефектных программ, трансцендентностей, трансфинитностей, неупорядоченности, неопределенности и т.п. добиться универсальной вычислимости невозможно; прагматически ее заменой выступают масштабируемые уровни, порядки приближения, рандомизации, комбинирования нечеткими множествами с диффузной структурой;

в) расчислимость. Необозримо многообразие явлений (в особенности антропообразных), сопротивляющихся квантативизации. Сомневающиеся да воспробуют выразить «лучше – хуже» через «больше – меньше»;

д) метризация. Не безгранична. С атомного уровня вступают в силу дестабилизирующие количественную детализацию квантовые эффекты. Установление точных значений дополнительных величин в микромире подчиняется принципам дополненности и неопределенности. Согласно первому, энергетически-импульсная и пространственно-временная картины микрообъектов не могут быть совместно строгим образом зафиксированы. Согласно второму, координата и импульс микрообъекта не могут в измерениях принимать одновременно точных значений;

е) формализация. Общеизвестны ограничительные результаты Геделя – Тарского, лимитирующие доказательство непротиворечивости теорий точным формальным способом.

Принципиальный посыл формализма – демонстрация невозможности противоречия в аксиоматически организованных единицах знания за счет оценки структуры доказательной процедуры в теории доказательства (программа метаматематики Гильберта). Реальное воплощение формализма – формализация – представление (аксиоматизированных) теорий в виде символических исчислений (формальных формульных систем). По ходу внутринаучной (математика) и методологической (философия математики) рефлексии формализма как направления в основаниях математики (логики, методологии) выяснилась его несостоятельность.

В 1931 г. Гедель доказал две теоремы, называемые теоремами о неполноте (или теоремами о непротиворечивости и неполноте), по которым (в содержательном пафосе): всякая фундаментальная теория (как минимум, включающая аппарат рекурсивной арифметики) либо противоречива, либо недостаточна для решения возникающих в ней проблем (ввиду обнаружения формально неразрешимых предложений); никакая фундаментальная теория не в состоянии сама себя обосновывать.

Аналогично Тарский, изучавший ситуацию с установлением «истины» в формализованных языках, пришел к глубокому металогическому выводу о невозможности демонстрации истинности достаточно богатых теорий их же (тем более формализуемыми в них) средствами.

Содержательность. «У всякого свой вкус», – поучает герой «Бесприданницы», – «один любит арбуз, а другой – свиной хрящик». Но все без исключения деятели науки (невзирая на различия вкусов) едины в стремлении замыкать когитальные свершения, подводить под мысленные сплетения крепкую содержательную канву. Интенция на надежность на каком-то витке смыслов творчества побуждает обрывать воображительную деятельность по расширению, проецировать безостановочный поток ПРС на некие системы объектов.

С целью ликвидации недопониманий, – если теорию (Т) рассматривать как множество утверждений (произвольной (!) совокупности предложений некоторого языка) с заданным на нем отношением следования (замкнутых относительно выводимости) разной степени строгости (для наук логико-математического, фактуального, гуманитарного, технического, медико-биологического профиля), рано или поздно обострится вопрос их «сверх»формального статуса.

Для перевода Т из разряда синтаксических формальных положений в содержательно значимые требуется сопоставление ключевых понятий, утверждений, отношений Т с какими-то информативно емкими образами, превращающими формулировки (символьные записи) Т в истинные суждения об объектах. Подобное сопоставление осуществляет интерпретация, моделирование, проводящие «сверх»синтаксическую референцию (наделяющие предложения формальных языков образонесущей значимостью).

Практикуют выработку разнообразных моделей, в кругу которых по важности выделяются:

- вычислительные модели – типовые схемы правил численного (гладкого, устойчивого, меняющегося) решения фиксированного класса задач;
- математические модели – символические описания явлений разной природы с параметризацией их реконструктивного сущностного портрета;
- физические модели – согласующиеся с наблюдениями (фактами) гипотетические (образные) представления связей явлений действительности, позволяющие осуществлять теоретически получаемые (вычисляемые) антиципации (прогнозы);
- физико-математические модели – совокупность уравнений, начальных, граничных

(краевых и других – на бесконечность, излучение, в идеале – корректность, регулируруемость) условий, комбинирующая физически релевантными величинами; широкое внедрение численных методов в естество-, обществознание, технические науки открывает простор замене натурального экспериментирования имитационным;

- антропные модели – массив нередукционистских символических отображений аутентичного мотивного целе-ценностного поведения сапиентов – представителей высшей сферы мироздания от лиц до самодостаточных групп и популяций [17].

Предметность. Пытливое обозрение продуктивного массива – наследия духовности демонстрирует: единицы ПРС, креативной деятельности по разработке, как, впрочем, интенциональные поиски-происки перекрывающего абрисы Umwelt инициативного разума суть умозрительные заострения, – плоды сочинительства.

Философия науки попадает в деликатную ситуацию, где от нее требуется принятие решения с далеко идущими последствиями: что включать в тело знания и по каким признакам, – как проводить демаркацию науки и ненауки?

Опыт эпистемологии, более узкий нежели философский (гносеологический) опыт, эксплуатирующий «световые» метафоры несомненности, самоочевидности от Декарта до Гуссерля, Франка, Лосского, отрабатывал такие варианты конституирования научно значимого:

- эмпирическое удостоверение (верификационизм);
- конвенциональное удостоверение (конвенционализм);
- отсутствие удостоверений (фаллибилизм);
- трансцендентальное удостоверение (трансцендентализм);
- лингвистическое удостоверение (лингвизм).

Говоря откровенно, перечисленные и примыкающие к ним демаркационные программы создают больше проблем, чем решают. В самом деле.

Верификационизм. Далекое не все положения науки – прежде всего кванторные выражения, эффективные гипотезы, принципы, законы, идеализации – удовлетворяют вводимой критериологии.

Конвенционализм. Условно-волеустановочный подход к (по началам «терпимости», «экономности») истолкованию утверждений науки заводит в тупик агностицизма, релятивизма, влечет развал самой идеи «оправдательной процедуры».

Фаллибилизм. Радикально нигилистическая платформа Уилера «все наши теории ошибочны», возрождая традиции неадекватного скептицизма, фикционализма, гносеологического пессимизма, фактически отменяет теорию познания как доктрину оправдания достоверности знания.

Трансцендентализм. Непоправимые ошибки кантианства: отождествление априорного с формальным; апостериорного с содержательным; дискредитация творческой способности разумной деятельности по расширению; эпистемические атрибуты «априорное», «апостериорное» не абсолютны; их релятивный статус обусловлен функциональной ролью в системе знания; девальвация креативности мыследеятельности чревата стагнацией науки, парализацией ее самопрогресса.

Лингвизм. Трактовка «значения» выражений науки в терминах «языковых значений» [21, с. 41] в «логическом прагматизме» непомерно гиперболизирует логико-лингвистический ресурс конституирования содержания; наука как специализированная сфера познавательного опыта – предприятие миро-, а не лингвоориентированное.

Накопление сопоставлений подводит к выводу: в сухом остатке в эпистемологии, как и гносеологии, исключая очевидно вырожденные проекты конвенционализма, фаллибилизма, разыгрывается карта «непосредственности» удостоверения орудием опытного, логического демонстрирования «подлинности».

Похоже, воспоминания не отодвигаются в историческое прошлое; жив, жив еще курилка *mens speculum*. В таком разе из тела науки – при последовательном твердом проведении демаркации – выдворяется вся «спекулятивная» – абстрактно теоретическая (умозрительно-доктринальная) составляющая, не получающая достаточной логико-эмпирической апробации. *Verbum est*. К чему ведет каскадный эффект вивисекции? К всеохватному оскудению знания, оскопляемому до тривиальных тавтологий и элементарных фактуальных свидетельств (равно как «лингвистических примитивов»).

У трансценденталий по определению нет и не может быть «непосредственных» опытных значений. Точнее, они могут отыскиваться в исключительных случаях редукции когний (абстрактных концептуальных конструкций) к остенсивам. В хорошо известных реальных эпизодах оправдания динамической (ньютоновой, базирующейся на законе всемирного тяготения) модели солнечной системы, – именно: входившее в противоречие с идейными выкладками наблюдаемое движение Урана «гасилось» допущением Адамса (1845 г.), Лаврье (1846 г.), рассчитавших массу, траекторию движения неизвестной небесной механике планеты Нептун, вызывавшей досадные возмущения. Сходным образом расхождение теории – эмпирии в случае Нептуна ликвидировалось (буквально *ad hoc*) допущением Лоуэлла с сотрудниками (1909 г.) наличия Плутона, идентифицированного группой Томбо (1930 г.).

Для виртуальных (получаемых на «кончике пера» безоглядно вообразительных) результатов процедура остенсилизации носит отложенный характер. Такова ситуация «неопределенной» ревизии онтологической схемы (образующей ядро современной научной картины мира – НКМ) СТО предположением (исходя из достижения полноты перебора абстрактных возможностей при выполнении достаточно формальной теории физических структур) гипотетических тахионов, скорость движения которых в вакууме превышает «с».

С учетом того, что второй постулат СТО – $c = \text{const}$ – дескрипция, в нарушение принципа Юма принимаемая в качестве прескрипции, возникает обоснованный соблазн: отказавшись от «неправомерного» близкодействия, вводимого по нестрогому неравенству $dS^2 \leq (cdt)^2$ с образом времениподобного интервала в световом конусе Эйнштейна, восстановить в правах дальное действие, тем самым разрешить и неприятный парадокс Эйнштейна – Подольского – Розена с совершенно иной хроногеометрией.

Сказанное торпедируется малостью – операциональной невозможностью выявить тахион, переводя вообразительное допущение (отсутствие предельной скорости передачи информации физическим способом) в остенсивные тезисы с фальсификацией нынешней НКМ.

В принципиальнейшем гносеологическом плане обсуждаемая тематика, очевидно, покрывается сюжетным контуром *actualitas – potentialitas*. Примечательны показания этимологии. Немецкие *wirklichkeit* (действительность), *wirklich* (действительный) восходит к *wirken* – делать. Иными словами: «действительное» – «сделанное». Такая трактовка подкрепляет наиболее строгий подход к решению проблем реальности виртуально (вообразительно) допускаемых сущностей: действительное – операционально выполнимое; операционально выполнимое – действительное.

Проблема онтологического статуса идеалов снимается как проблема фактуализацией, материализацией – операционально удостоверяющим конструктивным преобразованием *potentia* в *actus*. Все прочее – от лукавого.

Во время оно Гете разбирался с типологией «поэзия – правда». Сращение типологии возможное – действительное с типологиями нереальное – реальное, несуществующее – существующее, привязывающимся к юристической формуле «быть – быть в восприятии» (остенсивизация) сугубо искажает, не говоря разрушает, строй композиции «познание – правда», между элементами которой, как двумя гигантами, – не «уподобление», но многогранное «сочинение». Сочинение в редакции «проникающее равноправие».

Полнота развертки исходов взаимодействия одного и другого с учетом нелинейности постановок, нестационарности задач дает такую картину.

1. Примат – «познание». Борьба с умствованием – неразборчивостью, вседозволенностью волюнтарного *imagination* – предопределяла решение проблемы демаркации по вектору непримиримого рассредоточения «научной осмысленности» – «ненаучной бессмысленности».

С завершающим – более или менее ясно: здесь – внеучные типы рациональности – совокупная метафизика, функционирующая как самодостаточное безудостоверительное производство идей, обслуживающее субъективные потребности измышления.

С начальным – ничего не ясно: здесь – примечательный случай, осознаваемый не иначе как *stich criticorum*. Возьмем в толк такие обстоятельства.

а) Сведение совокупного знания к «правильной» – содержательно вполне адекватной, формально вполне оправданной – части («твердое ядро»), по отмеченному выше, разрушает покровный корпус реальной науки, включающей в свое тело в качестве ограниченной компоненты «неправильную» часть, свитую из догадок, предположений, предубеждений, условностей, смелых допущений – «сумасшедших» идей, а значит, – фантазмагорий, бредней, вымыслов, впадений в сюр (вплоть до абсурда, нонсенса). В таком курсе видения остается либо отменить демаркацию науки – ненауки, либо ужесточать ее, дисквалифицируя сферу *Sinnwelt*, – как предлагал Куайн («сообразно линии» конструктивного номинализма), полностью лишая существования (реальности) область идеальных смыслов. И от науки, и от теории науки тогда мало что не утратится.

б) Судьбы науки вершит ученый – человек не на все (всякие) времена, но человек своего времени. Понимание этого точно отобразил еще Овидий, введивший сентенцию:

Вышние боги, увы, – как много в груди человека
Тьмы беспросветной...

В эпистемологической транскрипции сие означает: как человек ученый – не провидец сквозь время, – унаследует, использует (вынужден так поступать) тот запас знания, языка, культуры (совокупное наследие), которым располагает пестующая его эпоха. Будучи карликом, он стоит на плечах гигантов – того массива архетипов, стереотипов, фундаментальных приемов сценографизации действительности, который выработали предшественники и который произвольно, по чудодейственному «прогрессизму» не отменяется. Не мог же создатель классической электродинамики Максвелл отказаться от эфира («родимое пятно» НКМ его времени), относя уравнения электромагнитного «поля» к неведому ему роду природной реальности.

с) Метафизика (религия, философия, искусство, идеология, мифология) – питательная среда творчества; высший интерес метафизики (философии) – пробуждать «разум (! – *Авт.*) от... дремы» [35, с. 47].

Так – потому, что метафизика (совокупное умо-зрение) – более вольный, раскрепощенный, менее скованный (требованиями опытно-логического удостоверения результатов) мodus мыслительной деятельности.

Глубокие идеи возникают в свободе от мира (Ф. Шлегель) – свободе как пнерианском источнике транслирования – автономном моделировании возможных, выходящих в нереальное состояний. Хорошо об этом – Шопенгауэр: метафизика – прекрасное самочувствие духа: «То, что лежит по ту сторону природы и чисто естественного, по ту сторону опыта, или познания того, что лежит в основе явлений природы – познания того ядра, оболочкою которого служит природа, познание той сущности, простым символом которой является опыт. В таком случае это слово (метафизика. – **Авт.**) звучит очаровательно для всякого человека, предрасположенного к глубокому мышлению, не довольствующегося явлениями мира, а стремящегося познать истинную его сущность» [31, с. 612].

d) Вообразительная непредумышленная фабрика грез – фантазия, сообщающая субстанциальность [3, с. 235]. Творящая сила. Вымыслы – воплощаются, о чем – Гофман:

Пусть невозможного в погоне
Достичь ты хочешь, человек!
Не бойся – не замедлят бег
Дерзання золотые кони.

...

Дать радость может только взлет.

Первоначально – «взлет» фонтанирующей фантазирующей мысли. О том же – Гете: действительность – калейдоскоп сменяющихся фантазмагорических символических порядков мира, иницирующих природно-исторические мировые порядки:

Мир не существовал, пока он мной
Не создан был...

Как именно? Посредством воображения! Откуда обязывающее вопрошание:

Не я ли мысли вольной дал исход?..

Исход субстанциальности. Сильное воображение порождает события, – замечает Монтень. Из мыслеобразного – мирообразное. Точно так: из фикций – реалии, из абстрактов – конкретны, из нелепых образов – существенности; по-хиазму:

Как нелепо (! – **Авт.**) наше сусло бродит –
В конце концов является вино (реальный продукт. – **Авт.**)
(Гете)

Трудно избавиться от почти вынужденной аналогии. Из мифа о Дедале – Икаре, совершавших на крыльях перелет с Крита на побережье Малой Азии и Сицилию, – самолет – летательный аппарат тяжелее воздуха. Из вихревой «вообразительной», не получившей поддержки научного сообщества физики Декарта – научная аэродинамика, надстраивающаяся на теореме Жуковского (лежащей в основе теории самолетного крыла, гребного винта) о подъемной силе, действующей на тело в воздушных (водных) потоках и вызываемой связанной с телом вихрями (!), возникающими вследствие вязкости сред (жидкостей, газов). 250 лет подспудья, забвения и – блестящий успех, триумф. Воистину: все в культуре бесценно; по закону оборачивания любая небыль становится былью, – не быует asinus asinorum in saecula saeculorum.

Начало бытия – не деяние [5, с. 273], но вообразительные версии – вирши (ср.: лат. versus – стих; рус. – вирши – стихи); откуда изысканная романтическая платформа творящей силы

эйдосов: миропорящих символических форм, метафорически (символически) версифицирующих бытие и тем самым – стимулирующих деяние.

Деяние – воображение; воображение – деяние. Две стихии, крепко-накрепко связанные узлами хиазма как вида уже не поэтического, но онтологического параллелизма.

2. Примат – «правда». Замечает гетевский Господь:

Блуждает человек, пока в нем есть стремленья.

«Блуждать» в прочтении «бродить в поисках», «скитаться, странствовать с целью достичь» несет идею «исполнить», «обнаружить», «стараться получить», «выяснить». Занятый исканиями, захваченный поиском открыватель поглощен добыванием истины.

Поскольку движение к ней опоясывает воображение, окутывает моделирование – опосредуют условно значимые оболочки, – постижение реалий, отобразительное воссоздание SR обременено непреднамеренными неискоренимыми *error in re*, – прибегая к слогу Иоанна Златоуста, – обслуживающими единственный путь истины разномастными многовидными и смешанными несообразными нечестиями.

Что торпедирует, преграждает разгул пустопорожних умствований безосновательных экзерциций мысли, бесплодных изворотливостей интеллекта, сектантско-духоборческих упражнений? Плотину натиску узких умозрительных схем воздвигает единственное и единое средство – опытное освидетельствование, фактуальное опробование, эмпирическое удостоверение. Чем и диктуется тяга к остенсиализации умозрительных изошрений, идущая в створе идеологии *Tatbestand – cos ingeniorum*. Сказанное точно ложится на гносеологическую традицию. Еще Помпонаци допускал 3 разновидности разума: созерцательный (*speculativus*); практический (*practicus, operativus*); действующий (*factivus*). Совершенно ясно, – в более поздних разысканиях прерогатива *speculativus* корректируется прерогативами *practicus* – для удостоверения нравственной и *factivus* – для (экспериментально-приборного) удостоверения состоятельности самопроявлений ума.

(И в данном месте напрашивается аналогия с неорганичным компонентом кантианской формулы познания – аффицированием, – «догматически» разрушающим «чистоту» трансцендентальной гносеологии – допущением, функционально родственным «остенсиализации», не-сущим непреходящий пафос: познание не обосновывается познанием!)

Если держаться более общего плана рассуждений, придется признать: сфера абстрактного эйдетического царства *Sinnwelt* – сфера вообразительной субъективной реальности, представляющей достояние («моего») персонального опыта. Теорию последнего в достаточно стройном виде предлагал Фихте под фирмой энергичных отправлений спонтанно творящего «Я».

Неизлечимый недуг ее – при последовательном гносеологическом продумывании – беспредметность (что рельефно предощущал Кант, избегавший монистического субъективизма *ad hoc* методологическим дуализмом, равно как Декарт, *ad hoc* ставивший на самоочевидную субъективность – самосозерцаемость души, а также Вико, Гегель, *ad hoc* допускавшие осознание (Вико), самосознание мировым духом себя (Гегель)), влекущая гигантскую мистификацию теории (бессодержательного) знания. Фихтеанской доктрине субъективного опыта, может, нельзя отказать в ценности (в части утрирования креативно-вообразительного потенциала «Я»), но точно надлежит лишать фактичности: никакие «не шельмоватые» – бесхитро-ростно-неплутовские конструкции в ней не воплотимы. Следовательно, вещественно невыразимо познание, вещественно не выражима теория познания. Фихтеанство – негносеологично.

Следующий по стопам Фихте его поклонник Гофман озабочивается: если мир – «мое» измышление, что отличает действительность «вещи» от «образа вещи», «предмета» от «предмета сна»? И приходит к неутешительно-неизбежному: «мои» сны востребуют от меня лишь «большого напряжения сознания» [6]. Субъективистский, персоналистский, эгоцентристский тупик, выход из коего, кстати, искал и не находил Фрейд, лишенный протеевского дара прорицания, но на полном серьезе претендовавший на разработку «сущностных» теорий сновидений, жизненных символов, причин душевных неврозов [27–30], воспринимавшихся критично настроенной сциентистской общественностью как «спекулятивный абсурд» [37, с. 41, 43].

Вообразительные смыслы способны нести фальшь. Производство «смысловой фальши» – стихия искусства, упивающегося гармонией образов в царстве грез. Как отмечал Шуберт: «Высокий мир поэзии и идеала художника... никогда не сможет... вложиться в земное (! – *Авт.*) существование и обычно противится смешению с его элементами» [36, с. 308]. Однако и здесь парение в облаках не всепоглощающе. На что любитель мечтаний, мастер фантазмагорий – Гофман – и тот одержим страстью «схватить природу!» [8, с. 23] Тем более такой страстью одержима наука, переводящая условно значимые экзотические («сумасшедшие») комплексы «переднего края» во вполне внятные комплексы «твердого ядра».

Перевод возможного в действительное, продуктов деятельности по разработке (разум) в продукты деятельности по применению (рассудок), нереального в реальное, – суть в этом.

Означенный перевод в наиболее полноценно-полновесном виде обслуживает платформа Tatbestand с радикальными конкретизирующими остенсивизацию требованиями наблюдаемости, верифицируемости, операционализируемости, конструктивности. Между тем внимательная оценка императивного назначения данных требований обнаруживает закладываемую ими латентную идею предельности; напрямую никакое знание (тем более теоретическое) им удовлетворять не может.

Повторим – именно так: указанные принципы несут идею предельности, устремленности, нацеленности, тенденциозности. Воспользовавшись лексикой теории пределов, можно сказать так: гносеологическая ценность «предметности» знания в познавательном процессе предстает «переменной», изменения которой неограниченно приближаются к терминальному постоянному значению. Последнее – идеальное состояние полного реконструктивного совпадения знания (порядок идей) с SR (порядок вещей).

С позиций гносеологии как сильной (не «ползучей» – в варианте наивно реалистической доктрины «зеркального отражения», – а «крылатой») теории подобное «терминальное» состояние тройственно. В элементарных случаях (исчисление высказываний, «наглядная» арифметика, «обиходная» механика) процессуальность превращается в статуарность; изменение венчается достижимым конечным пунктом. В неэлементарных случаях «процессуальность» получает трактовки:

- близость сопредельных элементов фиксируемых последовательностей, где «переменное» принимает «устремительное» значение (накопление адекватности в кумулятивном прогрессе);
- паушальное значение «приближения» как интегральной суммы постижения (фрагментов) мира в некотором предметном направлении, когда интенция на содержательное (реконструктивное) наполнение уточняется системой непустых подмножеств, объединяемых сопряжением (накопление адекватности в некумулятивном прогрессе [11]).

Совершенно ясно: полная, окончательная трансмиссия возможного в действительное реализуется в элементарных случаях. В других – правильно говорить о тенденции, интенции на истину науки как зависимого от времени поискового предприятия, где истинное знание – лишь как *dulce lumen* представляет «момент».

Генерализация соображения навевает тезис: если допускаются смыслы «в себе» – условно значимые информационные поля, сообщающие поиску дух эвристичности, логично допускать коррелятивные им значения «в себе» – потенции предметных проекций, наделяющие отрешенные смыслы виртуальной онтологической ценностью.

Смелым полетом мысли расширяется элементная база *Sinnwelt* – вводится эмпирически пустая сущность «тахион», к структуре действительности (конституированной современной НКМ) никакого отношения не имеющая, с позиций некоего «антифантазмагорического» пуризма должствующая быть выдворенной из контента науки. Вопреки этому никаких резких «санирующих» движений не предпринимается. Не предпринимается по причине разукрупнения гештальта рациональности: сверхзадача науки – искать, т.е. расширять, углублять горизонты, – обобщенно: абдуктивно, гипотетически действовать, обозревать возможности, одну из которых открывает ревизия образа мира СТО.

Интересный модельный ход – мысленный, имитационный эксперимент, имеющий интеллектуальное самооправдание; как прямое – по аутопоэзису; так и косвенное – по давлению на нынешнюю НКМ ЭПР-парадокса (с какой-то реабилитацией «дальнодействия», введением неведомых «полей»).

Для более рельефной экспликации статуса символического значения «в себе» прибегнем к методу рубрикации.

Гносеологическое значение «значения в себе». Доктринальная потребность комбинирования данной лексической и понятийной фигурой обусловлена необходимостью именовать объекты и подобъекты идеальных предметных полей, нереифицируемых виртуальных состояний при абстрактном моделировании существа модусов многообразной реальности. Реальность полиотсечна, многопрофильна, в пределе распадается на ареалы материальных и идеальных специй с соответственными вещественными – проявлениями в деятельности, выключаемыми в орбиту праксиса и невещественными – непроявляемыми в деятельности, не включаемыми в означенную орбиту действительными и недействительными обстоятельствами.

Агрегацию вещественных обстоятельств в универсуме реальных событий осуществляет значение «для нас» – стандартное, указывающее на класс осязаемых (действительных) предметов экстенциональное значение; агрегацию невещественных обстоятельств в том же универсуме проводит значение «в себе» – нестандартное, указывающее на класс неосязаемых (возможных) предметов интенциональное значение.

Введением значения «в себе» обслуживается расширение и углубление онтологической подосновы мыследеятельности, – а именно – распространением отношения предметности на случай произвольной (не исключительно «вещественной») реальности. Каждому концепту (в том числе эмпирически не идентифицируемому, но содержательно не пустому) ставится в соответствие некое идеальное значение, если угодно – как в абстрактной алгебре, изучающей идеальные числа (Куммер, Кронекер, Дедекиндр), – идеал – специальный умозрительный объект идеального царства событий как виртуальная замена объектов событий материального царства. Сообразно принятой в работе номинативной традиции интенциональное версифицируемое символическое значение «в себе» (идеал) синонимично абстракту; тогда как экстенциональное реифицируемое операциональное значение «для нас» синонимично конкрету.

Востребованность идеалов (идеалий) – в величии.

В социосфере:

- целеориентация (тем более родовой) деятельности на воплощение совершенных («недействительных») устоев;
- программирование самореализации имперфектной человечности.

Вводятся макеты «чаемого», «потребного» – паушально: «справедливого, изобильного существования»; с позиций здравого смысла, глобалистики, цивилизационистики, футурологии – откровенные утопии – «коммунизм», «вечный мир», «всеединство»; – антропная ценность их – аппроксимация, сближение сферы несправедливого сущего со сферой праведного должного. С утрированием регуляризации; в более строгом языке – нахождением для некоторой поведенческой функции f ее дистиллированного аналога ξ , регулятивно сцепленного с f и дающего ее приближенное идеальное представление.

В мыслесфере:

– специфическая онтологизация смыслов «в себе» привязкой их к эйдетическому сущему. Истинное отношение человека к Богу – знание, – прокламировал Гегель. Минуя критику гносеогенного толкования вопросов веры, сосредоточимся на познавательной стороне дела. В доктринальном богопознании (теологии) дискутируется трудно рационализируемый сюжет «троицы». В чем позитив? В выстраивании модельного приближенного представления (аппроксимации), согласно которому троица суть не смешения сущностей, но единство лица: вмещение Богом всей полноты божественной и человеческой природы (что следует из догматических определений Никейского (1325) и Халкедонского (1451) Соборов, предписывающих: иные подходы и трактовки предмета – схизма, святотатство). Если брать светское измерение обсуждаемого, человеческое знание *per definitionem* гео- и антропоцентрично, что в зависимости от освоения разных масштабов реальности порождает достаточно острые коллизии сопряжения «смыслов-значений» в «привычных-непривычных» познавательных контекстах. Таковы, скажем, коллизии с квантовой механикой, общей теорией относительности, озадачивающими концептуализацией взаимосвязей макро- и микро-, мегамиров; программами Кантора и Робинсона, нацеливающимися на освоение «бесконечно большого» и «бесконечно малого» с вынужденной эксплуатацией «конечных» приемов мышления и действия;

– диверсификация реальности введением: (а) квазиреальности: «вообразительная инициатива» Максвелла, обогатившего естественнонаучный дискурс допущением «демона» как не мифологического, а технического персонажа, оптимизирующего объяснительную статистическую процедуру; (б) дополненной реальности: физическое «движение» концептуализируется в терминах и «энтелехии» (Лейбниц), и «систем отсчета» (Ньютон);

– аксиологизация поиска внедрением эвристической рамы: просмотр, отсеивание концептуальных альтернатив проекцией на эпистемический идеал: упоминавшийся феномен целесообразности, – принадлежит ли епархии «знания» (естественнонаучный подход – Демокрит, Эмпедокл, Эпикур, Лукреций, Дарвин) или «веры» (телеологический подход – Сократ, Платон, стоики, Цицерон, Фома, неотомизм) с нажимом на эволюционизм или креационизм;

– методологизация предпочтений. В науке, как, впрочем, в искусстве, нереальное обслуживает реальное, придуманное – документальное [33, с. 91]. Речь – о самостроении знания как сверхзнаковой деятельности, подотчетной внутренней критериологии совершенности. Последняя – диверсифицирована в зависимости от ролевости: в разных функциональных отсеках науки – разные правила, стандарты, требования:

- в «софии» не гнушаются умозрениями: принцип Даламбера-Лагранжа – вариационные принципы механики – принцип наименьшего действия – телеология; АП и т.д. (Вообще говоря, сектор «софии» – наиболее ненасыщенное сциентизмом, обосновательно узкое место науки, где сознательно ослабляются ее рациональные скрепы, пестуемые жесткой дихотомизацией каузальности – казуальности; физики – метафизики; бренного – вечного; знания – веры, земли – неба; человека – Бога);
- в «гонии» прибегают к декларативности: «живое – из живого», «клетка – из клетки» (откуда же взялось, как возникло одно и другое?!) и т.д.;
- в «логии» по сочетанию «лиц и условий» то превозносят, то третируют тот же «редукционизм» – лапласовский детерминизм; молекулярная биология; «социальная физика» (Конт); «физиологическая эстетика» (Грант-Аллен) и т.п. (в искусстве – борьба с презентизмом, актуализмом, анархизмом постмодернизма) и т.д.;
- идеологизация эпистемологических (когнитивных) контекстов, погружение «текстов» в «интертексты». Радикализация отношения «творец – власть», «художник – заказчик» (как напоминал кэрролловский Шалтай-Балтай: «Вопрос в том, кто... здесь хозяин?»), диспергирующего продукты творчества (вне всякого «конфликта интерпретаций») на «допустимые – недопустимые», «состоятельные – несостоятельные». Вводится догматическая аутентичная (как в нереформированных символах вер) платформа осуществляющего «учет и контроль» дискурса «доминирующего» толкования с выходом в вырожденную нишу когнитивного буквализма, начетничества, социального деспотизма, тоталитаризма («неарийская физика», «мичуринская биология», «буржуазная социология, футурология, кибернетика» и прочая чертовщина); при тоталитаризме дозволено то, что уже «продумано» и «внедрено» в умооборот.

Слагаемые «значения». Сетка онтологических допущений научной и ненаучной (околонаучной) картины мира, конституируемая постулатами значений слагаемых формулы ВК + ВС. Напомним, согласно разделяемой нами социально-исторической методологии трактовки содержания знания природа последнего культурно интервальна, фаціальна [14] – детерминирована коррелятивным эпохам фоновым знанием.

Так, в соответствии с учрежденной классической культурой фацией знание отображает «объективную реальность» с атрибутивным ей «бессубъектным поставом»: математика изучает само по себе «число»; естествознание – сами по себе «пространство», «время», «энергию»; обществознание – сам по себе «социум». Фация неклассической культуры, исключая из комбинации ВК + ВС диспозицию «бессубъектность»;

- математика: субъективно одействованная «числовая реальность» (интуиционизм, ультраинтуиционизм, эффективизм, конструктивизм) (примечательны глубокие метафизические раздумья Кронекера, Лузина, Брауэра о субъективной напитанности последовательности ряда натуральных чисел);
- естествознание: включение в осваиваемую реальность субъективного начала (принципы дополненности, неопределенности); эрозия субстанциальности категорий «пространство», «время», «протяжение», «одновременность» – пафос релятивистской, квантовой механики; переход от «материи» к «динамическому действию» (уравнение Шредингера); замена вещественных интуиций интуициями вероятностных полей (Ψ-функция) с эвристическим запретом *index a tergo* (теорема Неймана);
- обществознание: индивидуализация «роевой жизни» по началам персональной реализации, саморазвития, прав человека и гражданина, прогресса цивилизма, –

утвердила новый образ мира – Homo et hominis opera partes naturae.

Развертыванием мотива «субъектность» педалируется упрочение неонеклассической фации, реабилитирующей субъективную способность воображения как манифестацию продуктивности, проективности: будучи высшей сферой мироздания человек не столько воспроизводит, сколько производит; познание – рычаг не подчинения обстоятельствам, но изменения их. На пьедестал поднимается трансцендирующее миротворчество.

В «спокойном» событийном состоянии нахгешихте – после отыгрыша фасциальных бурь – образ «значения» вводится сочетанием:

- а) инвариантных параметров признаковой группы: универсальность момента предметности – некая неизменность референта в обслуживающих динамику знания смысловых изменениях (закон сохранения вещественного коррелята) – «масса» как физический параметр, определяющий перманентно уточняемые (модификациями механики) инертные и гравитационные свойства материи;
- б) конъюнктурных допущений (Н-существования) о структуре, организации объективной реальности (как правило, в кризисных ситуациях смены фациальных сценографизаций мира) – отождествление «материи» с «инертным», обладающим лишь массой покоя (на деле имеют место разновидности материальных систем, лишенные массы покоя – фотоны, нейтрино), «неделимым» (материя физически делима) веществом;
- с) отягощений «фона личности»; «особого характера» ищущего субъекта, чувствительного к влияниям «семьи», «школы», «эпохи», – примечательные идиосинкразии людей «своего времени», поддерживающих верность устойчивым «заблуждениям» – оппозиции не просто теориям – сценографиям действительности – Лавуазье, Дарвина, Эйнштейна, Бора и др.

По ходу прогресса науки, уточняющего реквизиты (а-с), производится соответственная дивергенция корпуса знания с абсорбцией обоснованно-доказательной адекватности в твердом ядре и абсорбцией же вытесненной необоснованно-бездоказательной неадекватности в истории науки. Естественно, с флером экзотичности: навязчивым казовым поддержанием архаики – теория эфира в естествознании; теория константного потребительского роста в обществознании. (Насколько же живучи утопии просто организуемого и управляемого мира!)

Идентификация значения. Резюмируем ранее высказанное. Человек как индивид, человечество как вид реализуют свою мощь инициативным, креативным усилием – творчеством – способностью создавать, созидать, осуществлять несуществующее – оригинальное, невиданное, новое. Терминальная, если угодно, – метафизическая суть человечности – высший дар продуктивного порождения. Уподобливаясь Всевышнему, по благосообщенной богообразности сапиент производит на свет, дает жизнь новообразованиям.

В судьбоносном деле творения мира пути Бога и человека с некоторого пункта, однако, расходятся.

Традиционные конфессии – иудаизм, нереформированное христианство, ислам акцентируют добрую свободную волю промыслительно целомудренного создателя. Рационализированное богословие вкупе с реформированным христианством превозносят потенциально смыкающийся с гуманизмом пантеизм как субстанциально образующую мировую стихию (в особенности спинозизм), включающий лазейку неявной подмены божеского богочеловеческим. Прямую и явную подмену такого рода производит социализм – религия без Бога [23],

поклоняющаяся хоругвиям не святоотеческого Писания и Предания, но гордыне и самоуверенности доктрины новой «освобожденной» жизни, возводящей в святыню революционное переустройство существования.

Как показал поучительный затратный опыт «обожения» творящего человека XX столетия, сверхприродный талант творения обстоятельственной нови в обертке «богооставленности» чреват разволшебствованием мира [2, с. 342], превращением его в пустыню. Пустую дыру бездуховности, потребительства и их спутниками – техницизмом, инструментализмом, нигилизмом, эскапизмом, природопротивным антиэкологизмом.

Полноценная социально-политическая рефлексия указанного явления еще ожидает своего автора, мы же в данной работе вынужденно сосредоточиваемся на гносеологической стороне дела.

Гносеологический базис человеческого креативизма – имажинизм – воображительная сочинительная деятельность, протекающая как свободное модельное парение в образном пространстве fiction. Перефразируя премудрого Соломона, спросим: хорошо ли пить воду из своего водоема, текущего из своего колодца [25], воспринимая мир как пустырь, пригодный для стройки любого здания?

Произвол действия источает мизантропизм, произвол мысли – аморализм. Совокупно – абсурдистский катастрофизм, как у Брюсова:

Хочу, чтоб всюду
Плавала моя ладья.
И Господа и дьявола
Готов прославить я.

Между тем: расчеловеченный антропогенный мир – нонсенс, как нонсенс доктринальная его апология!

Профилактикой от коловращения в абсурдистских кругах нонсенса является закрепление на гуманитарно выверенной символической онтологии. Абстрактным смыслом в себе соответствует абстрактное значение в себе с виртуальной измышленной онтологией. Однако есть онтология и онтология; используя мотто Гюго, есть адюльтер с кухаркой и королевой. Не расшибиться о повсюду разбросанные острые камни (от чего предостерегал Гофман) позволяет глубина, высота воображительных символов. Как – у Гете в завершение «Фауста»:

Лишь символ – все бренное,
Что в мире сменяется;
Стремленье смиренное
Лишь здесь исполняется;
Чему нет названия (! – *Авт.*),
Что вне описания (! – *Авт.*), –
Как сущность конечная
Лишь здесь происходит,
И женственность вечная (! – *Авт.*)
Сюда нас возводит.

Куда же возводит нас «женственность вечная», – сиречь идеальная смысло-значимость? Она возводит нас к недопускающей узаконения извращения и позора символической онтологии. Где говорит голос святынь, вечных ценностей.

Идеологию совершенного изображения-выражения отрабатывали в древности Гомер («Гимн Аполлону Делосскому»); Горгий («Елена»); Платон («Государство»); Ксенофонт

(«Воспоминания о Сократе»), выступавшие с платформой «мимесиса». Как мы «изображаем»? По внутренним законам – природным, культурным установлениям – регулярностям, сводимым к гармонии, ритму, пропорции, параллелизму, абстрактно семантизируемым принципами симметрии, правилами мелоса, логоса, общеметодологическими регулятивами природо-, культуropодобия [13].

Вещное умствование, сочинительство редактируется «правдоподобием». Откуда «сочинять» («вообразать») означает не «лгать», а производить вымысел как жизнеобразный «эй-кос» – воплотимую творческую условность. Условность – не ложь (!):

- сказки – судьбического назидания;
- пейзажа, – как говорил Карус, – «физиогномики ландшафта»;
- актерской игры – характерного воплощения и перевоплощения;
- теории – проективного макета реалий. Etc.

По всему видно: правильно говорить об универсальной науке «созидания», доктрине «творения», концептуализирующих «возникновение», «становление», «упрочение» чего-то из чего-то через образное моделирование; на сухом гносеологическом языке – прослеживающих субстантивацию эйдетических (художественных, умственных) вообразительных форм как концентратов онтологической состоятельности символической выразительности, данной в творческой «единообразной страстности» (Платон).

Суровые реалии – розовые утопии... Движение от одних к другим и *vice versa* опосредуется вообразительным проектированием, программированием – промыслительным вдохновенным духовным возрастанием.

Сызнова: сказка как вообразительный «продукт» – откровенное измышление – «ложь». И как таковая, – сочинительный нонсенс. Но она, как говорил Феофан Затворник, обкладывает нас «правилами». В сказке – «намек», откуда «добры молодцы» извлекают «урок» (на данном основании сказы, «беллетристика» – литература как концентрат *fiction* именуется «школой видения») [7, с. 59]. Урок жизненной благодати.

Что нужно делать, чтобы сошла благодать? Внутренне просветлиться (весь опыт человека как существа символического – символический; акцентуация нашего казуса позволяет почувствовать несовпадение сциентистских и несциентистских форм символического, – а именно: как бы то ни было, первые в отличие от вторых никогда не влекут достижения «просветления», снисхождения «благодати»; – понимание чего наводит на реабилитацию полифундаментальности человеческой природы, невмещаемой в, так сказать, *via Arria*. Хорошо об этом – у Борна: «Настоящие ученые составляют... ничтожное меньшинство; однако внушительные успехи техники поставили их на ключевые позиции в обществе. Они прекрасно сознают явное преимущество своего образа мышления, но плохо видят его принципиальную ограниченность. Их политические и этические суждения поэтому... примитивны и опасны» [1]), что и обслуживают «обкладывающие правила» – фольклорно-эпические, мифопоэтические, морально-нравственные, религиозные заветы, предания, назидания – «золотой фонд» духовного наследия. К нему примыкают философские сценографии гуманитарного, экзистенциального прогресса, возвеличивающие благородство, свободу, высокие помыслы, бескорыстие вовлечения, участия, сочувствия, сопереживания [32, с. 154].

Гуманитарно вымощенное движение от замысла к воплощению, от символа к реальности, от значения в себе (мыслимая предметность) к значению для нас, – дело в этом. В конструктивном вообразительном сочинении человекоразмерной онтологии.

Воображаемые виртуальные миры в обертке потребного, чаемого, нереального, ирреального... Логическая семантика проблему их значимости решает введением абстрактного отношения R , замыкающего W на W_0 . Лингвистическая семантика для данных целей эксплуатирует платформу «внутренней формы слова», учет этимологической, лексической, тематической, дистрибутивной традиции. Философская семантика поднимает на щит «онтологию» – «значение» работоспособных абстракций удостоверяется онтологически: путем прослеживания, отслеживания воплощения их в гуманитарно оправданном сущем.

Так, аппарат фрактальной геометрии вводит «вообразительный» алгоритм $Z_{n+1} = Z_n^2 + c$:

- a) которому отыскиваются корреляты в виде морфологических процессов в природе, канонов стихосложения и т.д. [26];
- b) по которому конструируются объекты творимого человеком (искусственного) мира.

Фрактальность как абстрактная калька самоподобия в «первой» природе становится правилом изготовления «сочиняемых» изделий во «второй» природе.

В предельном философском изъяснении картина идентификации значения выглядит так.

Глобальный эволюционизм – всеобщая космоприродная фабрика выпуска естественной продукции дополняется универсальным конструктивизмом – всеобщей человекоемкой фабрикой выпуска искусственной продукции. Завершающий пункт дополнения – упрочение симбиотического морфогенетического комплекса ГЭ + УК, ответственного за порождение естественно-искусственной среды обитания.

Тематизацией состоятельности прежнего мироустройства (доантропогенных времен) озабочивалась теодицея; тематизацией состоятельности современного мироустройства (антропогенных времен) озабочивается антроподицея [15]. Одна апологетизирует интенции Великого, другая – малого архитектора. Интересный нам последний случай в качестве инструмента внутреннего урегулирования фигур деятельности в функции созидания фигур мира использует многоплановое отношение изоморфии:

- автоморфия: системы производящего (переводящего смыслы в значения) действия образуют группы сопряженных относительно природоподобия, культуроподобия отображений [13, 19]; всякое невырожденное преобразование объективного многообразия (пространство состояний-событий) автоморфично;
- гомоморфия: производимым состояниям-событиям *Naturwelt* соответствуют удостоверяемые *Wertswelt* креативные операции, согласующие множества элементов сотворенного и творимого мира.

«На путях своего развития философия попадает в такие теоретические ситуации, где от нее требуется принятие решений с далеко идущими последствиями, – емко высказывает Гуссерль, – ситуации, в которых философам приходится проводить новые осмысления, ставить под вопрос весь целевой смысл своего занятия...» [9, с. 255]. В переживаемый момент своего текущего развития философия попала в интригующую ситуацию *lucida momenta*: жизнь требует от нее ни больше, ни меньше, как вселенского оправдания родового призвания Номо.

Если ребенок рождается для того, чтобы простить родителей, – насколько плод творческой эволюции – сапиент – способен простить призвавшую его в мир *natura naturans*? Не внося ничего непотребного в *nexus rerum*?

Литература

1. Борн М. Размышления // *Литературная газета*. 11.03.1970.

2. Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, **1990**. 808 с.
3. Гегель Г. В. Ф. *Сочинения в 14 т.* М.: Соцэкгиз, **1959**. Т. 4. 488 с.
4. Гегель Г. В. Ф. *Философия религии: в 2 т.* М.: Мысль, **1975**. Т. 1. 532 с.
5. Гете И. В. *Малое собрание сочинений*. СПб.: Азбука, **2017**. 704 с.
6. Гофман Э. Т. А. *Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы*. М.: Радуга, **1987**. 464 с.
7. Гофман Э. Т. А. *Собрание сочинений в 6 т.* М.: Художественная литература, **1999**. Т. 4. 509 с.
8. Гофман Э. Т. А. *Собрание сочинений в 6 т.* М.: Художественная литература, **2000**. Т. 6. 348 с.
9. Гуссерль Э. *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология*. СПб.: Фонд «Университет», **2004**. 398 с.
10. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // *Новое в лингвистике*. М., **1960**. Вып. 1.
11. Ильин В. В. *История и философия науки*. М.: Проспект, **2021**. 336 с.
12. Ильин В. В. *Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания*. М.: Проспект, **2018**. 184 с.
13. Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa miracula: тотальный мировейник*. М.: Проспект, **2020**. 160 с.
14. Ильин В. В. *Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания*. М.: Академический проект, **2014**. 204 с.
15. Ильин В. В. *Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causa finalis*. М.: Проспект, **2016**. 272 с.
16. Ильин В. В. *Теория познания. Эпистемология*. М.: Изд-во МГУ, **1994**. 136 с.
17. Ильин В. В. *Философия гуманитарного знания. Studia humaniora. Гуманитаристика*. М.: Проспект, **2019**. 256 с.
18. Ильин В. В. *Философия истории*. М.: Изд-во Московского университета, **2003**. 380 с.
19. Ильин В. В. *Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен*. М.: Проспект, **2022**. 104 с.
20. Кант И. *Сочинения в 6 т.* М.: Мысль, **1964**. Т. 3. 799 с.
21. Куайн В. Онтологическая относительность // *Современная философия науки*. М.: Наука, **1994**. С. 41–62.
22. Лебон Г. *Психология народов и масс*. СПб.: Ф. Павленков, 1896. 329 с.
23. Луначарский А. В. *Религия и социализм*. Ч. 1. От 2/1. **1908**. 227 с.
24. Любищев А. А. *Проблемы формы, систематики и эволюции организмов*. М.: Наука, **1982**. 278 с.
25. Прит. 5, 15.
26. *Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве* / Сост. В. А. Копцик М.: Прогресс-Традиция, **2002**. 495 с.
27. Фрейд З. *Лекции по введению в психоанализ в 2 т.* М.: Гос. изд-во, **1922**. Т. 1. 250 с.
28. Фрейд З. *Лекции по введению в психоанализ в 2 т.* М.; Пг.: Гос. изд-во, **1923**. Т. 2. 249 с.
29. Фрейд З. *Психоанализ детских неврозов*. М.: Гос. изд-во, **1925**. 203 с.
30. Фрейд З. *Толкование сновидений*. М.: Современ. пробл., **1913**. 448 с.
31. Шопенгауэр А. *Полн. собр. сочинений в 4 т.* М.: Изд. Д. П. Ефимова, тип. Вильде, **1910**. Т. 4. 688 с.
32. Gerder J. *Werke*. Bd. 12 / Hrsg. Johann Georg Müller. Stuttgart: Cotta. 1829.
33. Lewandowski R. *Fiktion und Realitaet // Ueber eine Beziehung zwischen Leben und Literatur*. Berlin: Fraenkischer Tag, **1996**. 239 s.
34. *Minutes of the Vienna Psychoanalytic society*. 1906–1908. Vol. 1.
35. Schelling F. *Philosophie tier Kunst*. Darmstadt, **1966**. Bd. 2.
36. Schubert J. H. *Ansichten von der Nachseite der Naturwissenschaften*. Dresden, 1808.
37. Wittgenstein L. *Lectures and conversations on Aesthetics. Psychology and Religions Belief*. Berkley: University of California, **1967**. 77 p.

Поступила в редакцию 04.10.2023.

DOI: 10.15643/libartrus-2023.5.1

The constitution of meaningfulness: denotation

© V. V. Ilyin^{1*}, I. A. Kokoeva², P. N. Rodin², A. V. Shimko⁴

¹Moscow State Technical University named after N. E. Bauman (Kaluga branch)
2 Bazhenov Street, 248000 Kaluga, Russia.

²State University of Education
24 Vera Voloshina Street, 141014 Mytishchi, Russia.

*Email: vvilin@yandex.ru

As Poincare pointed out dually: the mind has direct intuition; experience can only be an excuse for it to use it and realize it. Approaching the issue without bias, let us resort to inversion: we regard experience as not a trigger, but a touchstone – a means of verifying and testing development activities. Such a tool is necessary for an initiative, initiating, establishing productive innovative acts of the mind. It is necessary, due to the ambiguity of the very nature of the reasonable ability to generate “conceptual (speculative) knowledge”, starting from the ranks of not things, but ideas, with the danger of generating imaginary – “imaginative” objectivity.

Keywords: imagination, creativity, meaning.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilyin V. V., Kokoeva I. A., Rodin P. N., Shimko A. V. The constitution of meaningfulness: denotation // *Liberal Arts in Russia*. 2023. Vol. 12. No. 5. Pp. 241–268.

References

1. Born M. *Literaturnaya gazeta*. 11.03.1970.
2. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*. Moscow: Progress, 1990.
3. Hegel G. V. F. *Sochineniya v 14 t. [Works in 14 volumes]*. Moscow: Sotsekgiz, 1959. Vol. 4.
4. Hegel G. V. F. *Filosofiya religii: v 2 t. [Philosophy of religion: in 2 volumes]*. Moscow: Mysl', 1975. Vol. 1.
5. Goethe J. W. *Maloe sobranie sochinenii [Small collection of works]*. Saint Petersburg: Azbuka, 2017.
6. Gofman E. T. A. *Zhizn' i tvorchestvo. Pis'ma, vyskazyvaniya, dokumenty. [Life and works. Letters, statements, documents]* Moscow: Raduga, 1987.
7. Gofman E. T. A. *Sobranie sochinenii v 6 t. [Works in 6 volumes]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1999. Vol. 4.
8. Gofman E. T. A. *Sobranie sochinenii v 6 t. [Works in 6 volumes]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 2000. Vol. 6.
9. Husserl E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology: An introduction to phenomenological philosophy]*. Saint Petersburg: Fond “Universitet”, 2004.
10. Hjelmslev L. *Novoe v lingvistike*. Moscow, 1960. No. 1.
11. Il'in V. V. *Istoriya i filosofiya nauki [History and philosophy of science]*. Moscow: Prospekt, 2021.
12. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Gernenevticheskaya metodologiya. Arkhitektura ponimaniya [Theory of knowledge. Hermeneutical methodology. Architecture of Understanding]*. Moscow: Prospekt, 2018.
13. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Kritika instrumental'nogo razuma. Speciosa miracula: total'nyi miroveinik [Theory of knowledge. Critique of instrumental reason. Speciosa miracula: total anthill]*. Moscow: Prospekt, 2020.
14. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Sotsial'naya epistemologiya. Sotsiologiya znaniya [Theory of knowledge. Social epistemology. Sociology of knowledge]*. Moscow: Akademicheskii projekt, 2014.

15. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Filosofiya kak opravdanie absolutov. V poiskakh causa finalis [Theory of knowledge. Philosophy as a justification of absolutes. In search of causa finalis]*. Moscow: Prospekt, **2016**.
16. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Epistemologiya [Theory of knowledge. Epistemology]*. Moscow: Izd-vo MGU, **1994**.
17. Il'in V. V. *Filosofiya gumanitarnogo znaniya. Studia humaniora. Gumanitaristika [Philosophy of humanitarian knowledge. Studia humaniora. Humanities]*. Moscow: Prospekt, **2019**.
18. Il'in V. V. *Filosofiya istorii [Philosophy of history]*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, **2003**.
19. Il'in V. V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen [Philosophy of crisis. Humanity on the verge of catastrophic changes]*. Moscow: Prospekt, **2022**.
20. Kant I. *Sochineniya v 6 t. [Works in 6 volumes]*. Moscow: Mysl', **1964**. Vol. 3.
21. Kuain V. *Sovremennaya filosofiya nauki*. Moscow: Nauka, **1994**. Pp. 41–62.
22. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass [Psychology of peoples and masses]*. Saint Petersburg: F. Pavlenkov, 1896.
23. Lunacharskii A. V. *Religiya i sotsializm [Religion and socialism]*. Pt. 1. Ot 2/1. **1908**.
24. Lyubishchev A. A. *Problemy formy, sistematiki i evolyutsii organizmov [Problems of form, systematics and evolution of organisms]*. Moscow: Nauka, **1982**.
25. Prit. 5, 15 [Prov. 5: 15].
26. *Sinergeticheskaya paradigma. Nelineinoe myshlenie v nauke i iskusstve [Synergetic paradigm. Nonlinear thinking in science and art]*. Comp. V. A. Koptsik Moscow: Progress-Traditsiya, **2002**.
27. Freud S. *Lektsii po vvedeniyu v psikhoanaliz v 2 t. [Lectures on introduction to psychoanalysis in 2 volumes]* Moscow: Gos. izd-vo, **1922**. Vol. 1.
28. Freud S. *Lektsii po vvedeniyu v psikhoanaliz v 2 t. [Lectures on introduction to psychoanalysis in 2 volumes.]* Moscow: Gos. izd-vo, **1923**. Vol. 2.
29. Freud S. *Psikhoanaliz det-skikh nevrozov [Psychoanalysis of childhood neuroses]*. Moscow: Gos. izd-vo, **1925**.
30. Freud S. *Tolkovanie snovidenii [The interpretation of dreams]*. Moscow: Sovrem. probl., **1913**.
31. Shopenhauer A. *Poln. sobr. sochinenii v 4 t. [Complete works in 4 volumes]*. Moscow: Izd. D. P. Efimova, tip. Vil'de, **1910**. Vol. 4.
32. Gerder J. *Werke*. Bd. 12. Hrsg. Johann Georg Müller. Stuttgart: Cotta. 1829.
33. Lewandowski R. *Ueber eine Beziehung zwischen Leben und Literatur*. Berlin: Fraenkischer Tag, **1996**.
34. *Minutes of the Vienna Psychoanalytic society*. 1906–1908. Vol. 1.
35. Schelling F. *Philosophie tier Kunst*. Darmstadt, **1966**. Bd. 2.
36. Schubert J. H. *Ansichten von der Nachseite der Naturwissenschaften*. Dresden, 1808.
37. Wittgenstein L. *Lectures and conversations on Aesthetics. Psychology and Religions Belief*. Berkley: University of California, **1967**.

Received 04.10.2023.